

**Проблематика и центральные образы романа Л. Н. Толстого
«Воскресение»**

Бекбергенова И.

Студентка 4 курса

Отделения русского языка и литературы

Научный руководитель: к.ф.н., и.о проф. Худайбергенова У.К.

Нукусского государственного педагогического университета им.

Бердаха

Нукус (Республика Узбекистан, Каракалпакстан)

Bekbergenova I.

4th year student

Department of Russian Language and Literature

Scientific director: Ph.D., professor. Khudaibergenova U.K.

Karakalpak State University named after Berdakh,

Nukus, Karakalpakstan, Uzbekistan

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых проблемных пластов романа Л. Н. Толстого «Воскресение» – социального неравенства, критики судебной системы, тюремного устройства и официальной церкви, – а также эволюции центральных образов Дмитрия Нехлюдова и Екатерины Масловой. Рассматривается, как приёмы «диалектики души», остранения и антитезы служат раскрытию толстовской идеи нравственного возрождения. Уточняется специфика позднего толстовского реализма как синтеза психологизма и этико-религиозной проповеди.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, «Воскресение», реализм, социальная критика, нравственное воскресение, Нехлюдов, Маслова, остранение.

Введение

Роман Л. Н. Толстого «Воскресение» (1899) занимает особое место в творчестве писателя. Это последнее крупное художественное произведение, создававшееся в течение десятилетия, стало итогом его многолетних нравственных и социальных исканий. В отличие от эпических полотен «Войны и мира» и «Анны Карениной», «Воскресение» представляет собой синтез острого социального романа-обличения, психологической драмы и религиозно-этического трактата в художественной форме. Поздний толстовский реализм здесь демонстрирует беспрецедентную прямоту авторской проповеди, оставаясь при этом тончайшим исследованием человеческой души.

Центральная проблематика романа носит многоуровневый характер и раскрывается через судьбы главных героев – Дмитрия Нехлюдова и Катюши

Масловой. Социальное неравенство, критика государственных и церковных институтов, тюремное устройство и земельный вопрос не образуют статичный фон, а являются движущей силой сюжета и внутренней эволюции персонажей.

Социальное неравенство и обличение государственных институтов

Уже с первых глав роман строится на контрастном противопоставлении «верхов» и «низов». Зал суда, где встречаются Нехлюдов и Маслова, становится точкой пересечения двух миров: богатых, облачённых властью и бедных, бесправных. Толстой последовательно разоблачает механизмы, воспроизводящие социальную пропасть. В имениях Нехлюдова открывается картина крестьянского разорения: земля не удобрена, плотины прорваны, крестьяне вынуждены арендовать её на кабальных условиях, отдавая почти весь урожай [1, т. 32, с. 245]. Автор показывает, что частная земельная собственность является корнем несправедливости, ибо «земля ничья, она Божья» [1, т. 33, с. 156].

Наиболее резкой критике подвергается судебная система. Сцена суда над Масловой изображена как фарс, в котором формальная процедура заслоняет истину. Председатель торопится на свидание, члены суда заняты личными заботами, прокурор произносит напыщенную речь, не имеющую отношения к делу, а невнимательные присяжные выносят вердикт, автоматически влекущий каторгу. Толстой подчёркивает, что никто из участников процесса не чувствует личной вины, потому что «таков закон» [1, т. 33, с. 56]. Судебная машина действует автоматически, бездушно, и это, по мысли автора, страшнее прямого произвола.

Критика суда неразрывно связана с темой тюрьмы, которая вырастает до символа всей российской действительности. Толстой, посетивший тюрьмы в начале 1880-х годов, создаёт своего рода энциклопедию пенитенциарной системы – от пересыльных этапов до арестантских вагонов. Описания грязи, скученности, побоев и морального растрепания арестантов подводят к выводу, что тюрьма не исправляет, а лишь ожесточает человека. Пространство заключения становится метафорой государства, в котором каждый – узник: крестьянин прикован к земле, чиновник – к чину, а сам Нехлюдов – к своему сословному эгоизму [4, с. 46].

Еще одним важнейшим объектом толстовской сатиры выступает официальная православная церковь. Центральный эпизод – тюремная литургия – описан с беспощадным острашением. Священник совершает заученные действия, не понимая их смысла; богослужение превращается в набор механических жестов, лишённых духовного содержания. Церковь, по Толстому, становится частью карательной системы, освящая цепи и благословляя насилие. Противовесом ей выступают гонимые сектанты, носители «истинной», живой веры, не искажённой обрядами и союзом с властью [2, с. 112–118].

Весь этот обличительный пласт объединён сквозной антитезой: Петербург (центр бюрократии и лжи) – деревня (мир страдания, но и подлинной жизни), государство (насилие) – народ (нравственное здоровье), мёртвая обрядность – живое евангельское слово. Контрастные пары организуют композицию и готовят читателя к восприятию духовной эволюции героев.

Образы Нехлюдова и Масловой: путь от падения к воскресению

Судьбы Дмитрия Нехлюдова и Екатерины Масловой переплетены трагической случайностью: некогда он соблазнил и бросил её, а теперь вынужден стать присяжным на её процессе. Встреча в зале суда запускает процесс нравственного пробуждения обоих, который, однако, протекает по-разному.

Нехлюдов – герой-идеолог, во многом автобиографичный. В начале романа он ведёт праздную жизнь типичного аристократа, в нём борется «животный человек» с «духовным» [1, т. 32, с. 89]. Узнав в подсудимой Катюшу, он переживает потрясение совести, но его первый порыв – жениться на ней – остаётся эгоцентричным: он думает больше о собственном спасении, чем о её чувствах [5, с. 18]. Дальнейший путь героя – это постепенное расширение личной ответственности до масштабов всего общества. Этапы его духовной эволюции выстроены автором с большой психологической достоверностью: шок и признание вины, хлопоты по пересмотру дела и столкновение с бюрократией, отказ от земельной собственности, следование за Масловой в Сибирь и, наконец, прозрение через чтение Евангелия.

Толстой использует метод «диалектики души», фиксируя не столько статичные состояния, сколько сам процесс перехода чувств, сомнений, падений и новых подъёмов. Развёрнутые внутренние монологи Нехлюдова обнажают самые низкие мотивы – желание избавиться от мучительного сознания вины – и одновременно показывают, как из этого эгоистического раскаяния рождается подлинное сострадание [1, т. 32, с. 156]. Важно, что герой не просто раздаёт землю и помогает осуждённому, но внутренне освобождается, перестаёт быть заложником своего сословия.

Образ Катюши Масловой – один из самых глубоких женских характеров у Толстого. Её судьба – путь «маленького человека», раздавленного социальным неравенством и мужским произволом. Толстой даёт сжатое, но выразительное прошлое: незаконнорождённая дочь крестьянки, взятая в барский дом, соблазнённая и брошенная Нехлюдовым, оставшаяся с ребёнком, который умер, выгнанная и вынужденная пойти в публичный дом [1, т. 32, с. 78]. В начале романа она предстаёт ожесточённой, циничной женщиной, однако под внешней грубостью сохранилась живая душа.

В отличие от Нехлюдова, путь Масловой к воскресению идёт от обиды, злобы и нежелания прощать – к прощению и нравственной зрелости. Её первая реакция на раскаяние Нехлюдова – гневная отповедь: «Оставьте меня! Я не

желаю!»). Но, видя его искренние усилия, она постепенно смягчается. Кульминацией становится эпизод в тюремном лазарете: больная Катюша впервые говорит с Нехлюдовым спокойно и отказывается от брака, понимая, что он движим не любовью, а чувством долга. Этот отказ – акт нравственной победы, демонстрирующий её превосходство над барином, привыкшим «спасать» сверху [5, с. 23]. Выбор Масловой в пользу ссыльного Симонсона, который видит в ней личность, а не объект спасения, окончательно завершает её превращение из жертвы в субъекта собственной судьбы.

Художественные образы героев создаются всем арсеналом толстовской реалистической поэтики. Портреты меняются по ходу эволюции: блестящий аристократ Нехлюдов утрачивает лоск, его лицо становится проще и серьёзнее; Маслова из «пухлой, полной женщины с розовым лицом» превращается в «худую, бледную, но с живыми глазами» [1, т. 32, с. 45; т. 33, с. 345]. Речевые характеристики также отражают внутренние перемены: жаргон и цинизм уступают место спокойной, почти народной речи. Сквозная символика (воскресение, крест, утро, сад) придаёт частным судьбам универсальное, евангельское измерение [2, с. 170–178].

Заключение

Роман «Воскресение» раскрывает основную проблематику позднего творчества Толстого через синтез острейшей социальной критики и тончайшего психологического анализа. Социальное неравенство, критика суда, тюрьмы и официальной церкви не просто создают обличительный фон, но непосредственно формируют нравственный путь героев. Нехлюдов и Маслова проходят сложную, мучительную эволюцию от падения к воскресению духа, доказывая, что нравственное возрождение доступно каждому – стоит лишь искренне раскаяться и начать жить по закону сострадания. Соединение в одном произведении «диалектики души», приёма остранения и открытой авторской проповеди делает «Воскресение» уникальным образцом позднего толстовского реализма, оказавшим огромное влияние на последующую литературу.

Список литературы

1. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 32–33. – М.: Гослитиздат, 1928–1958.
2. Масолова Е. А. Роман Л. Н. Толстого «Воскресение»: социальный, христианский и мифопоэтический дискурс. – М.: Библио-Ресурс: Директ-Медиа, 2015. – 256 с.
3. Андреева В. Г. О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. – Кострома, 2016. – 300 с.
4. Ланская О. В. Языковое воплощение пространства тюрьмы в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Толстовские чтения. – 2019. – С. 43–49.

5. Мелешко Е. Д., Назаров В. Н. Грех и раскаяние в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Толстовские чтения. – 2019. – С. 15–24.
6. Яндиева Л. И. Тема, идея и проблематика романа Л. Н. Толстого «Воскресение» // Русская словесность. – 2021. – № 6. – С. 19–25.